

Р · И · Н · А · Т

ВАЛИУЛЛИН

**Безумие
белых ночей**

**Издательство АСТ
МОСКВА**

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
В15

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

В книге использованы рисунки автора —
Ринат Валиуллин

Художественное оформление серии —
Екатерина Ферез

Издание дополненное и переработанное.
Ранее книга издавалась под названием «Безумие»

Валиуллин, Ринат Рифович.

В15 Безумие белых ночей : [роман : рисунки автора] / Ринат
Валиуллин. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-17-164082-8

Купить билет, поехать в Питер, можно даже одному. Обязательно
в кого-нибудь влюбиться, в крайнем случае — в город. Станешь ла-
тать черные дни белыми ночами, сводить и разводить мосты, дороги
которых уткнутся разметкой в небо.

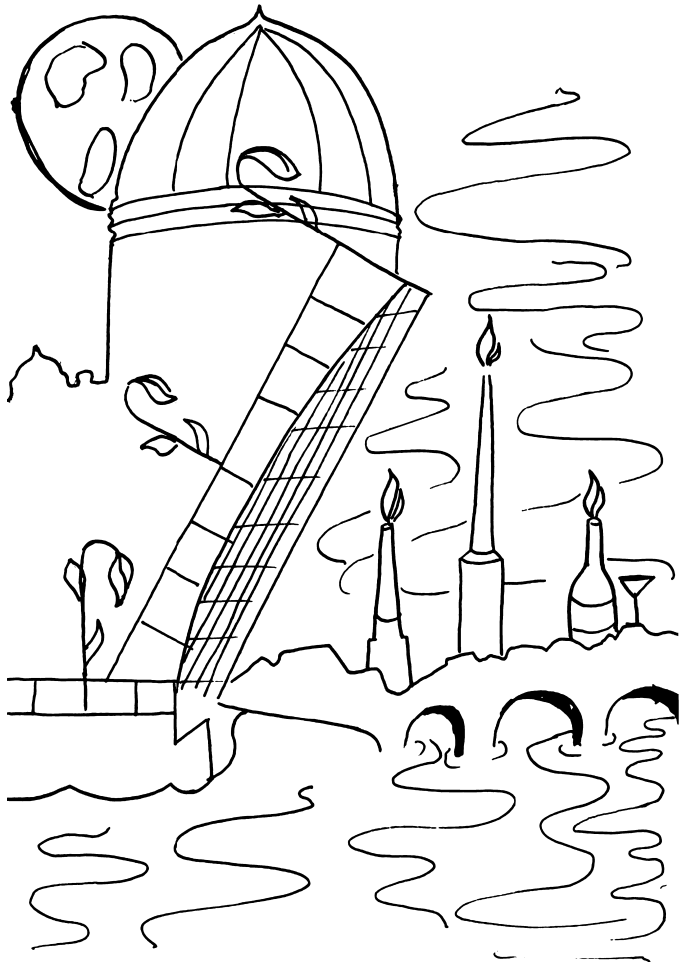
История двух летчиков, которые покоряли одну женщину и одно
небо. Один хотел достичь высот, другой — стать великим. Им каза-
лось, что с высоты видно все, но все, что они увидели: город холо-
ден, люди не меняются, недели пролетают, в воскресенье вече-
ром все задумываются о счастье. Кто-то переваривает субботу,
другие не переваривают понедельник. Вопрос счастья по-прежнему
открыт, как форточка, в которую можно увидеть звезды, а можно
просто курить...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-164082-8

© Валиуллин Р.
© ООО «Издательство АСТ», 2024

*Белая ночь, как чистый лист —
никогда не поздно начать с нуля.*

* * *

Питер хорош летними ночами. Воздух романтичен и свеж. Дышится легко и светло. Белая ночь, как белый лист, когда ты уже готов перевернуть этот день, а он все не кончается, будто намекая, что ты еще не все сделал, что мог, что сегодня ты просто притворялся, шел по накатанной, прикрываясь обстоятельствами, переложив все великое на завтра. В белые ночи есть время подумать, исправить ошибки, позвонить кому-то близкому, сказать что-то важное или, напротив, никому не звонить, остаться один на один с самим собой. Общенья с самим собой — вот чего зачастую не хватает человеку для нормального общения с миром.

Я сидел на набережной, глядя в Неву, отправляя по воде одну за другой свои мысли, они уплывали по течению, некоторые умели плавать и держались на воде, тяжелые — тонули. Дворцовый мост начал медленно подниматься, отсекая другой берег. Вот момент истины. Я знал, что у этого фильма — счастливый конец, к утру берега снова сойдутся, но в жизни налаживать мосты не так просто, а иногда и вовсе не имеет смысла. Крушишь их один за другим, отступая и оставляя надежды, пока не останешься на острове, в компании гордого одиночества.

— Почему Марс такой красный?
— Ему стыдно за Землю.

* * *

Бабушка была челом по проспекту. Была — всему Невскому, была убедительно. Никто не пытался узнать, до кого она хотела достучаться: до людей или до небес. Люди шли как ни в чем не бывало, она стояла коленопреклоненная тут каждый день рядом с емкостью для денег, вырезанной из пластиковой бутылки, дно которой было забрызгано мелочью.

«Не верю!» — прошел я рядом, театрально бросив монету на дно пластмассы. Я всегда бросал страждущим и просящим по одному-единственному принципу — если удавалось обнаружить монету в правом кармане. Если железа не было под рукой, я оставлял щедрость и жалость при себе. Город был начищен до блеска солнцем. Дорога прошла сквозь парк. Деревья тянулись вдоль дорожек, деревья тянулись вверх. Эти не пытались дотянуться до небес, они их поддерживали. Графикой их ветвей заштриховано утро. У деревьев свой взгляд на небо, для них это клетчатка, для меня — паутина, которая к лету обрастет зеленым мхом и начнет шелестеть, бросая бескорыстно тень на скамейки, населенные людьми. Свет, избегающий всяких отношений, бросает тень, как бы та ни старалась его удержать. Пока же весна кружила где-то высоко в небе и дразнила тех, кто спешил по делам. Я не спешил, я опаздывал. Поэтому не хотел смотреть на часы. Если опаздываешь на свидание, нет никакой разницы на сколько. Здесь важен сам факт.

Я не спешила, я уже отработала две пары в университете. Итальянский язык. Он все еще звучал внутри

нее — молодой преподавалки среднего роста с 85—65—85, замужем, без вредных привычек, филологически окрыленно — голосом в моей голове, он там жил. Шила вспомнила, как в раннем детстве, изучая английский, частенько смотрела на свой язык в зеркало: «Стал ли он английским? Нет, не было в нем ничего такого английского». А теперь в ее голове их сколько? Иностранцы. Уживались они с трудом, постоянно толкаясь, вытесняя друг друга, пытаясь занять как можно больше пространства. Однако млели, когда на горизонте возникал мужчина.

До встречи с Артуром еще оставалось время, и я была не против проветривания после своей несложной работы. Не то чтобы я не любила свою работу, скорее она меня. Она встречала меня уже без прежней радости, я не могла находиться у нее слишком долго. Как рано или поздно любовника и любовницу, нас обоих это начинало утомлять. Однако менять ее было бы полным безумием. Главное, на что? На что я могла бы променять своих совершеннолетних лоботрясов. Годы — это единственное, в чем они пока были совершенны. Я смотрела то на студентов, то на часы: и те и другие стояли на месте и смотрели на меня, в какой-то момент мне показалось, что я уже начала смотреть на время их глазами. Я представила себя стрелочницей, которая передвигает стрелки на переезде, где наши жизни сошлись и скоро должны были разойтись безболезненно. Итальянский был из тех необязательных языков, без которых можно спокойно жить даже в Италии, а уж в России подавно. Я проверила задание и снова посмотрела на часы, на этот скелет времени, по которому можно изучать анатомию пространства. Разбирать по косточкам, по черточкам, по цифрам. Если даже стрелки и двигались, то очень медленно, как на проведенной только что паре, когда прошел час с эскортом из шестидесяти минут. Потом медленно очень еще пятнадцать минут. Оставалось еще пятнадцать, которые я должна была чем-то занять. Ленивые, сонные, длинные. Последняя четверть часа тянулась

дольше всех, тянула на последнюю четверть в школе. Но вот оценки выставлены, и все, летние каникулы — до завтра. Наконец время было обглодано. Я выбросила огрызок в урну вместе с листочками диктанта. Отпустила студентов и двинулась к буфету пропустить чашку кофе или чая. Взяла кофе, вышла на набережную, вдохнуть свежий воздух Невы. «Лучшие часы — это солнечные», — глянула я вверх и зажмурилась. Они без стрелок, они солнечны, они не тикают по ночам, будильник их беззвучный, они висят на стене неба и никогда не опаздывают.

* * *

Я слышу, как жена бродит по кухне, ее шаги бредут от стола к раковине, едят линолеум, я из зала возвращаюсь в спальню, она все еще гремит посудой. Не включая свет, я забираюсь в постель. Вытягиваю руки, укрываясь одеялом. Одеяло не поддается. «Боже! Там уже кто-то есть». Слышу, как жена уже выключила воду на кухне:

— Ты чего не спишь?

— Свет отключали.

— Да? Я даже не заметила. Зачем тебе свет ночью? — пойдет она в предрассветное наступление. — Когда ты уже дашь мне спокойно спать по ночам?

— Никогда.

«Сон. Куда он ушел? — я боялся остановить его, чтобы спросить. — Ты куда, ты же мой, ты был моим только что?» — «Все, хозяин, больше не могу, больше не могу здесь торчать. Сколько времени потрачено впустую? Задание так и не выполнено». — «Какое задание?» — «Откуда мне знать, разве мать не сказала вам, когда рожала?» — «Мать?»

Я вспомнил мать, женщину добрую, мягкую и справедливую, на ней сейчас было летнее ситцевое платье, она улыбалась, впрочем, как и всегда. Несмотря на то что лицо ее оккупировала безграничная грусть, позитив — вот чем она все время пыталась зарядить мою душу, да и не

только мою. Очень захотелось ей позвонить и спросить: «Для чего я родился?» Я посмотрел на руку. Фосфорные насечки на стрелках в кромешной тьме, словно путеводные звезды в ночи времени, они указывали мне, что поздно. Слишком поздно, чтобы звонить. Был бы жив отец, можно было бы и позвонить. Мать будить не хотелось, пусть даже она и не спала сейчас, пусть даже тоже думала обо мне. Не хотелось будить ее от этих мыслей. Когда она думала обо мне, мне становилось как-то спокойнее. Любому человеку становится спокойнее, когда о нем думают тепло. А все его беспокойство от чьих-то ужасных мыслей. Просто он об этом не подозревает, ссылаясь на погоду или на здоровье. На самом деле все гораздо проще, все решают мысли, и не всегда только личные. Пообщавшись с матерью, я почувствовал, что жить стало легче, но сон так и не вернулся. Я оторвался от теплоты женского тела.

— Началось, — вздохнула жена.

— Что-то не спится, пойду покурю, — не искал я оправдания своей бессоннице.

Прошел стандартным маршрутом от спальни до туалета. Я глядел на белое фарфоровое дно колодца и струей пытался смыть в унитаз черный волос, но тот, сволочь, был длинный и все цеплялся за гладкую поверхность, складывалось впечатление, что его это забавляло, он крутил хвостом. «Ах так», — я смыл его, нажав клавишу на бачке, и пошел на кухню.

Луна — словно плевок страждущему в ночи. Я не любил энергосберегающие лампочки. Они светят жадно, неискренне. А так хотелось иногда, чтобы рассвело в два ночи. Это в Питере случалось, но только летом. Может, за белые ночи я его и полюбил. Ночи было слишком в моей жизни, и дело не только в климате, хотя и в нем тоже. Ночь была безумна, и это безумие вытесняло день, свет, меня, оно завоевывало все больше пространства. А мы жали на включатели, отгораживались от него ваттами, ватой были набиты наши одеяла подушки и матрасы.

Почему не мечтами? Мне кажется, в детстве я спал на подушке, набитой мечтами.

Земля, как башка с двумя полушариями, которая теряла свой ум с каждым витком, которая теряла свой ум с каждым оборотом головы, — я крутанул небольшой глобус, смотревший с тоской в темноту с подоконника. Сфера делала оборот за сутки, безумная, оглядывалась всякий раз, когда пыталась вернуться в себя. Глобус помогал мне мыслить глобально. Я сидел на кухне, допивал чай, курил и смотрел на свечку, которая отражалась в глобусе и была для него солнцем, она дрожала мне своим огоньком песню про одинокий фитиль. Песня явно была про меня, хотя я не был одинок. Мне было ради кого тлеть, а временами даже гореть.

«Ты спать собираешься?» — встала она в проеме или только собиралась это сделать, а я ее уже вырезал из картона своего воображения, если бы я вырезал ее из бумаги, то она бы сложилась и упала мне в ноги. Этого допускать никак нельзя. Я бы потерял к ней интерес. Стал бы этим пользоваться, нажимая на одну и ту же клавишу, смывать все что угодно. Вырежу из жести, будет жестко спать... Кровь из носа она хотела, чтобы я пошел спать. Женщина постояла минуту или больше, потом пошла в ванную, включила воду, посмотрела в зеркало, выключила воду, вытерла сухие руки о полотенце. Зашла на кухню с ватой в носу.

«О, что это с тобой?»

Видимо, когда я ее вырезал, я задел ей нос. «Кровь пошла из носа». — «Да? С чего бы это?» — «Не знаю, у меня такое бывало раньше только в детстве». Я снова посмотрел на ее окровавленную вату и вспомнил про мечты в подушке.

«Ты спать сегодня собираешься?» — «Думаешь, из-за этого?» — «Соберись, и проверим».

Я затушил сигарету, встал и подошел к ней. На меня осуждающим белком смотрела ее вата из носа. Я обнял свою женщину, потом подхватил на руки и понес в спаль-

ню. Всю дорогу тампон смотрел на меня, покачивая торчащей из ноздри головой.

«Ты хотела бы, чтобы сейчас рассвело?» — «Это будет не сложнее, чем остановить мою кровь, которая хотела сбежать от меня к тебе».

Я донес Шилу до постели и положил, потом вытащил губами из ее носа тампон. «Вот, остановил. Ты звезда, которая уже потухла, но свет еще долго будет идти и просвещать». — «Просвещение — это попытка зажечь лампочку своего света в мозгах, в твоих мозгах».

Мозг долго не мог заснуть и сторожил сон жены. Та лежала на животе, повернув ко мне лицо, половину которого съела подушка, словно хотела показать профиль. Я чувствовал, как перед ее лицом воздух ходил туда-сюда, будто перед экзаменом, и нервничал. Лицо экзаменатора прекрасно и спокойно, глаза закрыты. Воздух молод и свеж, он поступил сюда через приоткрытое окно и явно не хотел обратно. Ему здесь нравилось. Вопрос экзамена был прост: «Почему муж с женой всегда спят вдвоем?» На мгновение воздух остановился, словно задумался. Жена приоткрыла рот и, произнеся что-то невнятное, снова восстановила дыхание. «Они не спят. Когда они смогут спать вместе, они уже будут ложиться раздельно», — подсказал я студенту. Я представил, как мы прощаемся после ужина с женой, чтобы спать в разных комнатах и наше общение продолжается еще какое-то время в Интернете. Лежа в кроватях, мы выделяемся в остроумии, пока сон тупо не возьмет свое.

— Давно хотел тебе сказать, у меня есть другая.

— Как другая, а я?

— Слушай, сейчас мне некогда, спать уже пора. Напиши лучше утром в личку, я тебе все объясню.

— В личку писать не буду. А вот вмазала бы с удовольствием.

— Ну, иди тогда ко мне, — протянул Артур к жене руки под одеялом. — Расскажешь мне о своих проблемах,

хватит уже вязать из них носки. — Знал я, что она копит силы для решающего удара. — Ты чем-то расстроена?

— Сегодня вечером свидание. А у меня еще этот из сердца не съехал. Придется сидеть втроем.

— Этот — это я?

— Да... счастливец. Не могу понять одного — как тебе утратило стать счастливым со мной.

— Стать счастливым не так уж и сложно, с тобой это бывало. Гораздо сложнее поддерживать это чувство, точнее сказать — некому.

— Некому? И не приходи ко мне больше никогда! — попыталась она избавить свою грудь от моих ладоней.

— Хорошо, на какой машине ты хочешь, чтобы я приезжал?

Она задумается на этом месте. Она уже давно хочет водить ее сама. Если мы общались виртуально, то потом обычно приходила какая-нибудь ссылка от нее, о пользе секса и его роли в семейной жизни. Либо улыбочное фото о становлении какого-нибудь милого малыша. А если месть ее была на максимуме, то пейзаж культуриста с горами мышц.

— Почему ты выбрала его?

— Он надежный. Вчера вечером он помог мне надеть пальто.

— И что в этом такого?

— Это было его пальто.

— Я надеюсь, ты его уже вернула.

Утром привычки, вечером инстинкты. Где же чувства? Порой казалось, что нету их вовсе. Иногда мы делали друг другу больно, но что поделать — на то они и отношения, что все надо делать искренне: и любить, и ненавидеть. У души кожа тонкая, зато тату выходило изящное. «Никогда не обижайся на женщину, это ее прерогатива», — твердил я себе всякий раз, когда нужно было проявить характер, макнув его в негатив. На фото можно было увидеть флюорографию моего искривленного позвоночника. Это и был характер.

— Скажешь мне что-нибудь приятное на ночь?

— Свет выключи.

— А ты выключи свой будильник, а то завтра в семь начнет орать, я на автомате встану, сварю кофе, оденусь, выйду на улицу, а там воскресенье.

— Считай, отомстил. Это все?

— Нет. Поцелуй меня.

— У меня губы не поворачиваются целоваться без любви. Поцелуи — мое слабое место. Я таю от них, как мороженое на жаре. Останется меня только развернуть и съесть.

— На ночь есть вредно.

— Встречаемся утром?

— Да, хорошо, — обнял я Шилу, и мы уснули.

Встречаемся вновь утром. Я просыпаюсь раньше. Тихо ускользаю из спальни, прихватив штаны и футболку. Сначала склоняюсь над умывальником, потом все больше склоняюсь к тому, что люди произошли от кофе: только он способен сделать из меня утром человека. Кухня встает и делает мне навстречу несколько шагов, здоровается, обнимает теплом и предлагает остаться на завтрак. Хорошая женщина — кухня! Я любил ее всем желудком. Не то чтобы мне все время хотелось есть. Нет. Просто отношения эти зашли слишком далеко, а разорвать их не было никаких сил, да и не только у меня, у любого домашнего человека. Так я и жил, разрываясь между кухней и женой. Была, правда, еще одна женщина — моя работа. Может, и не женщина, так любовница. Поэтому к ней Шила меня не ревновала, она считала, что у каждого уважающего себя мужчины должна быть такая любовница.

Снова, как в раме, в проеме с холста утра на меня смотрела Шила. Сейчас она напомнила нежную одинокую розу, которую надо было непременно напоить водой, чаем, а может, вином, чтобы любоваться ею весь оставшийся вечер или даже жизнь, всю оставшуюся жизнь. Впрочем, сейчас, когда я был влюблен, оба эти отрезка времени были равны.